

Ожидание ребенка в изменяющемся социальном контексте: страх беременности и родов у мужчин и женщин

О. Ю. Одинцова¹, Т. Л. Крюкова²

¹ Ярославский государственный медицинский университет
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Революционная, д. 5

² Костромской государственный университет
156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинская, д. 17

Сведения об авторах:

Оксана Юрьевна Одинцова
e-mail: Oksana2186@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8513-9305

Татьяна Леонидовна Крюкова
e-mail: tat.krukova44@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0825-3232

Финансирование: исследование поддержано Министерством высшего образования и науки FZEW-2020-0005.

© Авторы (2020).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена.

Аннотация. В статье обсуждается проблематика мужских страхов беременности и родов в период ожидания ребенка. Рассматриваются два основных фактора, влияющих на его появление: макросоциальный и микросоциальный. Макросоциальный фактор анализируется в контексте феномена возрастающей вовлеченности современных мужчин в период беременности и родов, которая подразумевает эмоциональную сопричастность и активное участие будущего отца в дородовом образовании и поведении, направленном на благополучное появление ребенка, сохранение здоровья женщины и принятие роли отца. Вовлеченность мужчины в совместное проживание беременности и родов сопряжена с позитивными явлениями в психологии семьи и близких отношений, однако чрезмерная вовлеченность детерминирует формирование мужского страха беременности и родов. Микросоциальный контекст анализирует роль партнёра в обмене и передаче данного страха.

Предположительно, женщина выступает транслятором собственного страха беременности и родов, а «включённый» мужчина его приемником. Отдельно заостряется внимание на самой дефиниции «страх беременности и родов», раскрывается его определение, содержание и степень распространённости. Обсуждаются два подхода в толковании данного страха: психиатрический (зарубежный), подразумевающий отнесение страха к категории тревожных расстройств, и психологический (отечественный), предполагающий самостоятельность феномена. Производится сравнение женских и мужских страхов. Подчеркивается схожесть страхов партнёров с преобладанием тематики родоразрешения и здоровья ребенка и женщины. Раскрыта субъективная феноменология переживания страха беременности и родов, включающая чувства неопределённости, бессилия, изоляции, игнорирования, неподготовленности, угрозы, боли и тревоги. Указывается, что недифференцированное беспокойство и волнение, свойственное как женщинам, так и мужчинам во время беременности, является естественной и закономерной реакцией субъекта на воздействие стресса беременности. Вместе с тем, выраженный страх выступает фактором дезадаптации, который оказывает влияние на субъективное благополучие партнеров, их качество жизни и взаимоотношения в паре. В заключение обсуждаются широкие перспективы эмпирического исследования обсуждаемой проблематики в выборке российских мужчин и женщин.

Ключевые слова: включенность (вовлеченность), страх беременности и родов, мужчины, женщины.

Expecting a child in a changing social context: Fear of pregnancy and childbirth in men and women

O. Yu. Odintsova¹, T. L. Kryukova²

¹Yaroslavl State Medical University
5 Revolyutsionnaya Str., Yaroslavl 150000, Russia

²Kostroma State University
17 Dzerzhinskaya Str., Kostroma 156005, Russia

Authors:

Oxana Yu. Odintsova

e-mail: Oksana2186@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8513-9305

Tatiana L. Kryukova

e-mail: tat.kryukova44@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0825-3232

Funding: the study is supported by Ministry of Higher Education and Science FZEW-2020-0005.

Copyright:

© The Authors (2020).

Published by Herzen State

Pedagogical University of Russia.

Abstract. This article discusses fear of pregnancy and childbirth that men experience while expecting a baby. There are two main factors – macro social and micro social – that can cause this fear. The first factor is connected to men’s increasing emotional and practical involvement in pregnancy and childbirth. Thus, a future father takes part in prenatal education and has to accept an active paternal role in a successful childbirth and preservation of mother’s health. Men’s involvement in pregnancy and childbirth is associated with positive phenomena in family psychology, but their excessive involvement may cause fear of pregnancy and childbirth. The micro social context is connected to partner’s role in fear transfer. In this case, a woman transfers her own fear of pregnancy and childbirth onto the man who acts as a recipient. In addition, the term “fear of pregnancy and childbirth” is defined, its meaning and usage is explained. The study discusses two approaches to the interpretation of this term: a psychiatric approach that attributes fear of pregnancy and childbirth to anxiety disorders; and

a psychological approach that considers it an independent phenomenon. Female and male fears are compared. It is emphasised that partners have similar fears, mostly concerning the delivery and the health of both the child and the mother. The subjective phenomenology of this fear is explained, including uncertainty, powerlessness, isolation, ignorance, unpreparedness, threat, pain and anxiety. It is noted that the undifferentiated anxiety and excitement inherent in both women and men during pregnancy are natural and logical reactions to the stress of pregnancy. However, excessive fear indicates maladjustment, which affects subjective well-being of partners, their quality of life and relationship as a couple. In conclusion, the prospects of further empirical research on the discussed problem in a sample of Russian men and women are discussed.

Keywords: inclusion (involvement), fear of pregnancy and childbirth, men, women.

Включенность мужчин как социальный контекст современной реальности

За последнее десятилетие можно наблюдать возрастание включенности будущих отцов на этапе беременности женщины. Об этом свидетельствует все большая ориентация в парах на партнёрские или семейно-ориентированные роды

в мире (соответствующая статистика присутствует в ряде зарубежных стран, например, в Великобритании, Швеции, Германии и др., в России однозначных показателей по данному вопросу нет). Мужчины стремятся разделить переживания женщины не только в процессе родов. Фиксируется увеличение совместного посещения парт-

нёрами школ подготовки к будущему родительству.

Однако несмотря на практическую значимость данного феномена, создается парадоксальная ситуация: с одной стороны, очевиден общественный и социальный интерес к данному явлению и его неоспоримая важность; с другой – практически полное отсутствие в российском научном поле исследований, посвященных включенности отцов (за исключением работ, касающихся родительской вовлеченности в образование и успеваемость школьников). Соответственно, обсуждая вовлеченность в контексте беременности, хотелось бы прояснить: что стоит за данной дефиницией? Какое поведение субъекта можно считать «включённым», а какое – нет? Отчасти данную проблему решает выделение критериев вовлеченности. Например, зарубежные коллеги предлагают взять за основу фактор присутствия/отсутствия и эмоциональной сопричастности мужчины в значимых аспектах беременности (который отображен общим числовым результатом, именуемым «балл отцовской вовлеченности» и варьируется от 0 до 10), а именно:

- положительное эмоциональное реагирование при подтверждении беременности;
- поиск информации относительно беременности и родов;
- совместное посещение одной или нескольких консультаций врача/ лабораторных исследований/ дородового скрининга;
- присутствие на одной или нескольких ультразвуковых исследованиях;
- обучение в школе будущих родителей;
- присутствие во время родов; принятие решений, связанных с родоразрешением (Redshaw, Henderson 2013).

Очевидно, что некоторые пункты расходятся с российскими культурными установками партнёров на роды, часть из них труднореализуема в условиях обязательного медицинского страхования. Наконец, данный перечень рассчитан на представителей так называемого «среднего класса»,

т. е. прослойки общества, отличающейся экономической состоятельностью, высоким уровнем образования и культуры. К слову, исследования показывают, что репрезентанты «рабочих» профессий реже (по сравнению с 1980-90 гг.) реализуют поддержку беременной женщине: сопровождают в медицинские учреждения, оказывают содействие до и после рождения ребенка. Контекст описания этой категории населения сопряжен с термином «отсутствующий» отец (Клецина 2009), который обозначает мужчину, утратившего психологический или физический контакт со своим ребенком. Взаимосвязь между социально-экономическим статусом и степенью поддержки партнёров, описанная еще в 90-х гг., в полной мере отражает современную мировую тенденцию.

Пожалуй, единственный тренд пренатальных установок европейских и американских семей, редко поддерживаемый в России, – это декретный отпуск мужчины после появления ребенка. Причины очевидны: экономическая (статус мужчины в российских семьях сопряжен с гендерной ролью «кормильца») и социально-культурная (традиционно бытует убеждение о приоритетности вклада женщины в развитие и воспитание ребенка на этапе младенчества и раннего детства).

Иными словами, факт возрастания заинтересованности мужчин (и женщин) в реализации совместного дородового поведения пары очевиден, и, вероятно, эта тенденция будет усиливаться. Так, возраст первородящих женщин и ставших отцами мужчин за последние десятилетия сдвинулся в более старшую возрастную группу (34–40 лет). Соответственно, можно предположить увеличение ответственности и осознанности в вопросах репродуктивного поведения населения. Кроме того, появление современных перинатальных центров, рассчитанных на совместное пребывание супругов, делает партнёрские роды доступными, а маркетинговая персонализация услуг – комфортными для обоих парт-

нёров. Наконец, пронаталистская ориентация государственной политики, совершенствование комплекса экономических, административных, пропагандистских и просветительских мероприятий формируют новые прокреационные установки мужчин.

Безусловно, вовлечение мужчин в переживание опыта отцовства имеет множество преимуществ. Рассмотрим их с позиций женщины-партнёра, ребенка, самого мужчины и внутрисемейных отношений в паре. Зарубежные исследования сосредоточены на позитивных эффектах, возникающих у женщин при включенности партнёра, таких как:

- позитивное принятие «трудной» или нежелательной беременности (Melen-der 2006);
- стабилизация эмоционального состояния женщины во время беременности; редукция неустойчивого эмоционального состояния (стресса, страха, депрессии и тревоги) (Alves, Milek, Bodenmann 2019);
- Благополучное самостоятельное родоразрешение, уменьшение эпизодов применения эпидуральной анестезии и обращения к процедуре кесарева сечения при отсутствии показаний, случаев появления ребенка со сниженной массой тела (Wiklund, Edman, Andolf 2007).

Исследования демонстрируют, что активная позиция мужчины, начиная с периода беременности, оказывает стимулирующее влияние на когнитивные способности и аффективную устойчивость ребенка, а также способствует гармоничной социализации (Kim, Hill 2015).

Рождение ребенка затрагивает глубокие индивидуально-личностные и социально-ролевые трансформации мужчины. Позиция включенности представляется неким вариантом самопомощи на переходном этапе подготовки к родительству, поскольку весьма широко помогает мужчине:

- способствует принятию роли отца и успешной адаптации к ней (Redshaw, Henderson 2013);

- формирует привязанность мужчины к своему будущему ребенку, что в перспективе детерминирует устойчивость и стабильность пары (Alves, Milek, Bodenmann 2019; Brandão, Brites, Hipolito et al. 2020).

Наконец, ребенок появляется у пары, а не индивидуальных партнёров. Отметим, что зарубежные публикации 2018–2020 гг., выполненные в области перинатальной психологии, сосредоточены на изучении взаимовлияния партнеров друг на друга (в том числе включенности/невключенности) в период беременности. В частности, вовлеченность партнеров и поддержка друг друга на этапе беременности способствуют усилению супружеской адаптации, повышению субъективного качества жизни и родительской компетентности, редукции родительского стресса в течение первых шести месяцев после рождения ребенка (Alves, Milek, Bodenmann 2019; Brandão, Brites, Hipolito et al. 2020).

Однако есть у феномена вовлеченности мужчин есть и негативный аспект, касающийся, прежде всего, функционирования самих мужчин. Речь идет о таких явлениях, как «отцовская депрессия», «отцовский стресс», усиление тревоги и страха в период ожидания ребенка. Чем активнее развивается идея включенности мужчины на этапе беременности и родов, тем интереснее цифры для анализа, а именно: в 2010 г. европейские показатели отцовской депрессии у мужчин, впервые ставших отцами, варьируют на уровне 10 %; в 2014 г. – 11,5 %; в 2017 г. – 13,3 % (Da Costa, Zelkowitz, Dasgupta et al. 2017), аналогичная тенденция отмечается в отношении страхов, связанных беременностью и родами (Bergström, Rudman, Wandenstrom et al. 2013; Hildingsson, Johansson, Fenwick et al. 2014). Есть ли взаимосвязь между вовлеченностью мужчины и распространённостью этих явлений – вопрос открытый (однако работы, в фокусе внимания которых родительская вовлеченность в развитие, образование и успеваемость ребенка, дают почву к размышлению: вовлеченные роди-

тели подвержены большему стрессу и негативным эмоциям (Kim, Hill 2015)). Действительно, еще несколько десятилетий назад беременность являлась для мужчин terra incognita, а роды – сокровенной женской деятельностью, сопричастность к которым казалась невозможной. Можно предположить, что чрезмерная вовлеченность мужчины, заключающаяся в эмпатическом отклике, поддержке, соучастии (т. е. затрате эмоциональных ресурсов) снижает способности мужчины эффективно совладать со стрессом беременности, что в конечном итоге увеличивает риск возникновения неравновесных эмоциональных состояний, таких как страх.

Таким образом, в современном обществе наблюдается усиление феномена вовлеченности мужчин в период ожидания ребенка и его рождения, при этом термин «вовлеченность» («включенность») в контексте беременности предполагает эмоциональную сопричастность и активное участие партнёра в дородовом образовании и поведении, направленном на благополучное появление ребенка, сохранение здоровья женщины и принятие роли отца. Вовлеченность партнёра сопряжена с позитивными явлениями в психологии семьи, близких отношений и родительства, однако можно предположить, что чрезмерная вовлеченность детерминирует формирование страха.

Страх беременности и родов у мужчин и женщин: перспектива исследований

Страх беременности и родов выступал популярной тематикой эмпирических работ в 2000-х годов. Однако если в России эта проблема изучалась только на женщинах (например, Гончарова 2011), в зарубежной психологии испытуемыми также становились мужчины (преимущественно в странах Скандинавии, Великобритании и Австралии). Объяснением такой постановки вопроса могут выступать следующие факты. Качественный анализ субъективных переживаний мужчин выявил наличие взаимосвязи между беремен-

ными женщинами, страдающими подобными страхами и их партнёрами, причем содержание страхов у обоих супругов схожее (Bergström, Rudman, Wandenstrom et al. 2013; Da Costa, Zelkowitz, Dasgupta et al. 2017; Eriksson, Westman, Hamberg 2006 и др.). Иными словами, чего боится один партнёр, того же боится и другой партнёр. Очевидно, что в контексте беременности подобная взаимообусловленность возможна при условии максимальной вовлеченности мужчины, поскольку ему недоступен непосредственный опыт переживания беременности. Можно предположить, что первоначально страх возникает у женщины, т. к. беременность для нее – прямой стрессор, а страх является эмоциональной реакцией на действие стресса; впоследствии женщина транслирует его партнёру. Отметим, что даже если позиция мужчины как стороннего наблюдателя отличается от опыта беременности женщины, его страх перед этой ситуацией все еще может быть достаточно сильным и дезадаптивным. Таким образом, проблема мужского страха беременности и родов требует изучения и сравнения с аналогичными женскими страхами

Распространённость страха беременности и родов у женщин довольно выражена и по оценкам английских коллег составляет до 80 % (Melender 2002). При нормальном течении желательной беременности (а также поддерживающем партнёре, отсутствии ятрогении и распространения фобий подобной тематики со стороны окружающих) страх беременности и родов представляется органичным и закономерным, поскольку женщина находится в новом для себя состоянии и подвергается ряду незнакомых медицинских манипуляций, а сами роды потенциально можно рассматривать как угрозу целостности организма. Соответственно, для здоровой женщины с благополучной беременностью страх – это ответ организма на стресс, новизну ситуации, ее неопределённость, вероятную угрозу, опасность или боль, и он естественен. С другой стороны, этот распространенный страх может быть

настолько сильным, что омрачает беременность и негативно влияет на повседневную жизнь и женщины, и мужчины, и пары. Ко всему прочему, выраженный страх беременности и родов детерминирует трудности с родоразрешением, и именно этот аспект наиболее популярен в качестве проблемного поля исследования за рубежом (Wiklund, Edman, Andolf 2007).

Анализируя иностранную литературу по данному вопросу, можно отметить, что выраженный страх беременности и родов описывается как явление, относящееся к категории тревожных расстройств, связанных с депрессией, и характеризуется проявлениями, свойственными тревожной симптоматике (Melender 2002). Содержание страха беременности и родов хорошо изучено и отличается разнообразием: страх боли, потери ребенка, некомпетентности врача и персонала, страх в отношении собственного здоровья и здоровья будущего ребенка, страх потери привлекательности, карьеры и саморазвития, страх ухудшения взаимоотношений с супругом, предстоящих трудностей ухода за ребенком и пр., однако кульминационным выступает страх родов (например, Гончарова 2011; Eriksson, Westman, Hamberg 2006). Очевидно, что страх беременности и родов весьма многолик и сконцентрирован на личности самой женщины, ее партнера/супруга и будущего ребенка.

Сравним женский страх беременности и родов с мужским. Итак, в первую очередь, отметим, что степень распространенности данного явления колеблется от 10,9 % до 13,6 % (N=762; N=1047 соответственно), при этом все мужчины отмечают повышение волнения и беспокойства с момента беременности партнёрши (Bergström, Rudman, Wandenstrom et al. 2013; Hildingsson, Johansson, Fenwick et al. 2014). В странах Скандинавии наличие данного страха у мужчин выявляется с 17 лет, его выраженность наступает в период ожидания ребенка, пик – до/во время родов женщины. Мужчины с выраженным

страхом чаще воспринимают беременность и грядущие роды как негативное событие (Hildingsson, Johansson, Fenwick et al. 2014).

В выборке шведских мужчин (N=194) были описаны категории страхов, наиболее беспокоящих мужчин: роды; здоровье и жизнь ребенка; здоровье и жизнь женщины; собственные возможности и реакции во время родов; возможности и реакции партнёрши; компетентность и поведение медицинских работников. Дополним, что при сопоставлении страхов мужчин и женщин в этом же исследовании, у женщин процесс родов был доминирующим страхом, у мужчин – здоровье и жизнь ребенка (Eriksson, Westman, Hamberg 2006). Можно упомянуть другое исследование, в котором авторы приходят к выводу, что роды – область наиболее концентрированных страхов для обоих партнёров. Работа проводилась с мужчинами, принимающими участие в родах партнёрши (N=21). Согласно результатам, мужчина, присутствующий при родах, боится увидеть, как его партнёр испытывает боль, не способен справиться с эмоциями, теряет сознание, паникует, реагирует вразрез ожиданиями. Зачастую мужчина также боится быть отстраненными от принятия решений и бесполезными. Часть испытуемых испытывали страх, что женщина будет иметь длительные или сложные роды; смерть/инвалидность ребенка или партнёра (Johansson, Hildingsson, Fenwick 2013).

Переживание страха беременности и родов у мужчин сопровождаются чувством беспомощности, отстраненности, изоляции, игнорирования, бессилия, неподготовленности, недостаточной осведомленности, неуверенности, тревоги, беспокойным ожиданием, ограниченной возможностью поддержки. Иными словами, страх беременности и родов у мужчин субъективно отражается как состояние беспомощности с неспособностью предсказать, контролировать и получить желаемые прогноз/результат в лично значимой ситуации. Этот комплекс переживаний

имеет навязчивых характер и дополнен избегающим поведением (Hildingsson, Johansson, Fenwick et al. 2014).

Негативный аспект страха беременности и родов исследуется через призму неспособности оказать женщине нужную поддержку в перинатальный период, повышением угрозы отцовской дородовой и послеродовой депрессивной симптоматики и длительной адаптацией к роли отца. Отмечается, что когнитивно-поведенческая психотерапия и вовлечение мужчин в обучение по подготовки к родам и уходу за ребенком является профилактической мерой при данных страхах (Bergström, Rudman, Wandenstrom et al. 2013; Eriksson, Westman, Hamberg 2006; Johansson, Hildingsson, Fenwick 2013 и др.).

Таким образом, несмотря на отсутствие непосредственного опыта переживания беременности, мужчина также испытывает страх беременности и родов, который можно определить, как комплекс негативных эмоциональных переживаний, субъективно отражающихся как угроза опасности, неопределенности, боли или ущерба, детерминированных ситуацией беременности родов. Для обоих партнеров родоразрешение выступает как наиболее фрустрирующий фактор. Страх беременности и родов у мужчин и женщин связан с переживанием тревоги и депрессии. Однако детерминация появления страха беременности и родов у мужчин до конца не выяснена, предположительно, переживания женщины обуславливают возникновение страха у мужчин.

Выводы

Обобщая рассмотренный материал, можно сделать следующие выводы:

1. Тенденция включенности современных мужчин в период ожидания ребенка и подготовки к родам, выражающаяся в сопричастности и активной вовлеченности в дородовое образование и поведение, детерминирует гармоничное принятие роли отца и улучшение качества взаимоотношений с партнёршей. Вместе с тем чрезмерная вовлеченность выступает фактором, провоцирующим возникновение страха беременности и родов у мужчин.
2. Страх беременности и родов – это комплекс негативных эмоциональных переживаний, субъективно воспринимающийся как угроза опасности, неопределенности, боли или ущерба. Страх беременности и родов является естественным для женщин. Содержание данного страха имеет отношение к благополучию женщины, ребенка и взаимоотношений с партнером, однако чаще всего фиксируются на проблеме родоразрешения. Выраженный страх беременности и родов выступает фактором дезадаптации, а именно – усилением тревожно-фобической симптоматики.
3. Страх беременности и родов присутствует у мужчин. Источником мужского страха беременности и родов являются переживания женщины. Зачастую данный страх является идентичным у обоих партнеров и сконцентрирован на тематике здоровья женщины и ребенка, а также родах. Осмысление и профилактика страхов мужчин повышает психологическое благополучие не только мужчины, но и женщины в паре.

Литература

- Гончарова, С. А. (2011) Страх беременности, родов и совладание с ним. В кн.: А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко (ред.). *Стресс, выгорание, совладание в современном контексте*. М.: ИП РАН, с. 215–236.
- Клецина, И. С. (2009) Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности. *Женщина в российском обществе*, № 3, с. 29–41.

- Alves, S., Milek, A., Bodenmann, G. (2019) Romantic attachment, dyadic coping, and parental adjustment across the transition to parenthood. *Personal Relationships*, vol. 26, pp. 286–309. DOI: 10.1111/pere.12278
- Brandão, T., Brites, R., Hipolito, J. et al. (2020) Dyadic coping, marital adjustment and quality of life in couples during pregnancy: an actor–partner approach. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, vol. 38m, pp. 49–59. DOI: 10.1080/02646838.2019.1578950
- Bergström, M., Rudman, A., Wandenstrom, U., Kieler, H. (2013) Fear of childbirth in expectant fathers, subsequent childbirth experience and impact of antenatal education: subanalysis of results from a randomized controlled trial. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*, vol. 2 (8), pp. 967–973. DOI: 10.1111/aogs.12147
- Da Costa, D., Zelkowitz, P., Dasgupta, K. et al. (2017) Dads get sad too: Depressive symptoms and associated factors in expectant first-time fathers. *American Journal of Men's Health*, vol. 11 (5), pp. 1376–1384. DOI: 10.1177 / 155798831560696
- Eriksson, C., Westman, G., Hamberg, K. (2006) Content of Childbirth-Related Fear in Swedish Women and Men – Analysis of an Open-Ended. *Question Journal of Midwifery & Women's Health*, vol. 51, pp. 112–118. DOI: 10.1016/j.jmwh.2005.08.010
- Hildingsson, I., Johansson, M., Fenwick, J. et al. (2014) Childbirth fear in expectant fathers: findings from a regional Swedish cohort study. *Midwifery*, vol. 30, pp. 242–247.
- Johansson, M., Hildingsson, I., Fenwick, J. (2013) Fathers want to stay close to their partner and new baby in the early postnatal period: The importance of being able to room in after a surgical birth. *Sexual & Reproductive Healthcare*, vol. 4, pp. 35–36. DOI: 10.1016/j.srhc.2012.11.002
- Kim, S., Hill, N. E. (2015) Including Fathers in the Picture: A Meta-Analysis of Parental Involvement and Students' Academic Achievement. *Journal of Educational Psychology*, vol. 107, no. 4, pp. 919–934. DOI: 1037/edu0000023
- Melender, H.-L. (2002) Experiences of fears associated with pregnancy and childbirth: a study of 329 pregnant women. *Birth: Issues in Perinatal Care*, vol. 29 (2), pp. 101–111. DOI: 10.1046/j.1523-536X.2002.00170.x
- Redshaw, M., Henderson, J. (2013) Fathers' engagement in pregnancy and childbirth: evidence from a national survey. *BMC Pregnancy Childbirth*, vol. 13, art. 7. DOI: 10.1186/1471-2393-13-70
- Wiklund, I., Edman, G., Andolf, E. (2007) Cesarean section on maternal request: reasons for the request, self-estimated health, expectations, experience of birth and signs of depression among first-time mothers. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*, vol. 86, pp. 451–456. DOI: 10.1080/00016340701217913

References

- Goncharova, S. A. (2011) Strakh beremennosti, rodov i sovladaniye s nim [Fear of pregnancy, childbirth and coping with it]. In: A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko (eds.). *Stress, vygoraniye, sovladaniye v sovremennom kontekste [Stress, burnout, coping in a modern context]*. Moscow: IP RAS Publ., pp. 215–236. (In Russian)
- Kletsina, I. S. (2009) Ottsovstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniyu maskulinnosti [Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian society]*, vol. 3, pp. 29–41. (In Russian)
- Alves, S., Milek, A., Bodenmann, G. (2019) Romantic attachment, dyadic coping, and parental adjustment across the transition to parenthood. *Personal Relationships*, vol. 26, pp. 286–309. DOI: 10.1111/pere.12278 (In English)
- Brandão, T., Brites, R., Hipolito, J. et al. (2020) Dyadic coping, marital adjustment and quality of life in couples during pregnancy: an actor–partner approach. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, vol. 38m, pp. 49–59. DOI: 10.1080/02646838.2019.1578950 (In English)

- Bergström, M., Rudman, A., Wandenstrom, U., Kieler, H. (2013) Fear of childbirth in expectant fathers, subsequent childbirth experience and impact of antenatal education: subanalysis of results from a randomized controlled trial. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*, vol. 2 (8), pp. 967–973. DOI: 10.1111/aogs.12147 (In English)
- Da Costa, D., Zelkowitz, P., Dasgupta, K. et. al. (2017) Dads get sad too: Depressive symptoms and associated factors in expectant first-time fathers. *American Journal of Men's Health*, vol. 11 (5), pp. 1376–1384. DOI: 10.1177 / 155798831560696 (In English)
- Eriksson, C., Westman, G., Hamberg, K. (2006) Content of Childbirth-Related Fear in Swedish Women and Men – Analysis of an Open-Ended. *Question Journal of Midwifery & Women's Health*, vol. 51, pp. 112–118. DOI: 10.1016/j.jmwh.2005.08.010 (In English)
- Hildingsson, I., Johansson, M., Fenwick, J. et al. (2014) Childbirth fear in expectant fathers: findings from a regional Swedish cohort study. *Midwifery*, vol. 30, pp. 242–247. (In English)
- Johansson, M., Hildingsson, I., Fenwick, J. (2013) Fathers want to stay close to their partner and new baby in the early postnatal period: The importance of being able to room in after a surgical birth. *Sexual & Reproductive Healthcare*, vol. 4, pp. 35–36. DOI 10.1016/j.srhc.2012.11.002 (In English)
- Kim, S., Hill, N. E. (2015) Including Fathers in the Picture: A Meta-Analysis of Parental Involvement and Students' Academic Achievement. *Journal of Educational Psychology*, vol. 107, no. 4, pp. 919–934. DOI: 1037/edu0000023 (In English)
- Melender, H.-L. (2002) Experiences of fears associated with pregnancy and childbirth: a study of 329 pregnant women. *Birth: Issues in Perinatal Care*, vol. 29 (2), pp. 101–111. DOI: 10.1046/j.1523-536X.2002.00170. x (In English)
- Redshaw, M., Henderson, J. (2013) Fathers' engagement in pregnancy and childbirth: evidence from a national survey. *BMC Pregnancy Childbirth*, vol. 13, art. 7. DOI: 10.1186/1471-2393-13-70 (In English)
- Wiklund, I., Edman, G., Andolf, E. (2007) Cesarean section on maternal request: reasons for the request, self-estimated health, expectations, experience of birth and signs of depression among first-time mothers. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*, vol. 86, pp. 451–456. DOI: 10.1080/00016340701217913 (In English)